

Пушкин в новогреческом переводе.

Пушкин, современник эпохи восстания греков против турок в 1821 году, выразивший в Кишиневском своем дневнике «твердую уверенность» в торжестве греков над могущественными их противниками и поэтически воспевший свободу восставшей Греции, «страны героев и богов», сделался известен грекам, как гениальный русский поэт, лишь в 70-х годах минувшего (XIX) века.

Существенное значение в ознакомлении греческого общества с великим нашим поэтом имела критическая статья константинопольского ученого Стефана К. Карафеодори—«О русской литературе (Περὶ ῥωσσοικῆς φιλολογίας)», помещенная в пятом томе периодического издания «Греческий Филологический Силлог в Константинополе» (Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος), вышедшем в свет в Константинополе в 1872 г. (стр. 60—86). Статья представляет доклад, прочитанный автором на заседании Греческого Учено-литературного Общества в Константинополе, и вызвала большой интерес среди многочисленных членов этого Общества обстоятельностью своего содержания и свежестью и новизной сообщаемых сведений о выдающихся представителях русской литературы, в частности о Пушкине. Правда, и в прежние годы в греческой печати, как Константинополя, так и Афин, встречались те или иные сообщения о Пушкине, помещались даже переводы некоторых его стихотворений ¹⁾, но все эти материалы имели случайный и спорадический характер, не получали широкого распространения в греческом обществе и очень мало знакомили греков с великим русским поэтом.

Стефан Карафеодори в предисловии к указанному литературно-критическому очерку справедливо отметил, что «китайская стена все еще отделяет русский мир от греческого культурного общества», среди которого из переводной русской литературы были в обращении только История Карамзина, да некоторые богословские сочинения, что же касается выдающихся представителей русской художественной литературы, то греками

почти ничего не было сделано для их изучения. Доклад Карафеодори представляет первый опыт критического обзора богатой русской художественной литературы, исполненный с большим мастерством. Пушкину в этом очерке отведено первое место в сонме корифеев русской литературы — Лермонтова, Гоголя, Толстого и Тургенева, о которых греческий автор также высказывает восторженные суждения. Пушкина константинопольский ученый называет наиболее знаменитым из русских поэтов (ἐνδοξώτερος τῶν ῥώσων ποιητῶν), а произведения его — бессмертными (ἀθάνατα), создавшими «золотой век» в русской литературе. Изложив биографию Пушкина и оплакав его преждевременную трагическую смерть, Карафеодори обзорекает и оценивает наиболее крупные поэтические его произведения и представляет, в качестве образцов гениального творчества поэта, выдержки из его произведений, переведенные на новогреческий язык прозою. В частности, здесь речь идет о поэмах Пушкина «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Цыганы», «Бахчисарайский фонтан», «Братья-разбойники», «Полтава» и «Русалка», о романах «Евгений Онегин», «Граф Нулин», о повести «Капитанская дочка», о драматическом произведении «Борис Годунов» и других.

Статья Карафеодори была составлена не на основании непосредственного знакомства с сочинениями Пушкина, а по руководству иностранной, преимущественно французской переводной литературы, в общем правильно оценивает значение Пушкина и содержит довольно точный перевод на новогреческий литературный язык отрывков из различных его произведений. Как первый в новогреческой литературе и довольно серьезный опыт критической оценки Пушкина, статья Карафеодори имела в свое время значение для ознакомления греческого общества в Константинополе и Афинах с гениальным русским поэтом и оказала некоторое влияние на последующее изучение греками русской художественной литературы.

В таком же значении нужно оценивать и другую критическую статью о Пушкине, принадлежащую афинскому писателю Федору Велианити и напечатанную в «Аттическом Календаре (Ἀττικὸν Ἡμερολόγιον)» за 1886 г. под заглавием — «О жизни и сочинениях Пушкина». В статье довольно подробно обзорекается жизнь Пушкина, «одного из великих поэтов России», и предложен анализ почти всех крупных его произведений, при чем греческий критик, знакомый с русским языком, правильно излагает содержание поэм Пушкина, баллад и легенд, романов, повестей, драматических произведений (особенно — «Борис Годунов») и некоторых стихотворений. Статья Велианити, помещенная в популярном и весьма распространенном среди греков издании, много содействовала известности нашего поэта и

в Греции, и в Турции—среди греческого населения, и вообще повсюду, где обитала греческая диаспора. Это было как раз накануне пятидесятилетия со дня смерти Пушкина, когда в России появилась обширная критическая о нем литература, а общественное настроение выразилось во всеобщем восторженном преклонении пред гением бессмертного поэта.

Вслед затем у греков обнаружилось стремление к более внимательному и глубокому ознакомлению с Пушкиным и к изучению его произведений— путем перевода их на новогреческий язык и самостоятельной критической оценки таланта русского поэта.

Первый, довольно полный по своему составу, сборник поэтических произведений Пушкина был издан в новогреческом переводе в Афинах в 1887 году под таким заглавием. «Адамантия Харамы Леросского. Неизданные сочинения, ныне в первый раз издаваемые на иждивении его брата, патриота Николая Харамы (в пользу филантропических заведений на Леросе). [Сборник], содержащий переводы поэтических произведений русского поэта Александра Пушкина, под редакцией и наблюдением Константина Несториди, бывшего заведующего гимназией, и пр. Стр. 20 + 236 in 16° »).

Издатель настоящей книги Николай Харамы посвятил ее греческой королеве Ольге.

Сборник открывается биографией переводчика сочинений русского поэта, греческого дидакала Адамантия Харамы, который родился в 1830 г. на острове Леросе, слушал лекции в Афинском университете, был потом приглашен домашним учителем в богатую греческую семью Скараманга в Таганроге и нашел в России второе свое отечество. Харамы много лет состоял дидакалом и заведующим общественной школой греческого кинота в Таганроге, имел большую начитанность в древней греческой литературе и хорошо изучил новогреческий литературный язык, примкнув к тому направлению в новогреческой литературе, которое было создано знаменитым Адамантием Кораи. Харамы ознакомился и с русским языком. Отличаясь трудолюбием и талантливостью, Харамы часы своего досуга посвящал переводам с русского лучших произведений нашей литературы. С особою любовью он изучал Пушкина и много лет трудился над переводом его произведений. Но при жизни Харамы не удалось напечатать приготовленные им переводы: он скончался в 1885 г. на острове Леросе. По смерти Адамантия Харамы, издание его переводов с русского принял на себя его брат Николай Харамы, который, по недостаточности необходимой для этого подготовки, поручил издание поэтических произведений Пушкина бывшему заведующему гимназией Кон-

стантину Несториди, связанному с переводчиком узами дружбы и обще-литературными интересами. Несториди и написал издаваемую краткую биографию Адамантия Харамы.

К изданию приложена и небольшая биография Пушкина под заглавием «Ἀλέξανδρος Πούσκιν» (стр. 13—20), написанная редактором Несториди. Эта биография особого значения не имеет, так как составлена отчасти по руководству большого словаря А. Lagousse'a, отчасти на основании статьи Федора Велианити, помещенной в «Аттическом Календаре» за 1886 г.

Перевод Пушкина на новогреческий язык требовал от переводчика основательных познаний в языках как греческом, так и русском. По свидетельству Несториди, Адамантий Харамы «хорошо знал русский язык — ἐγίνωσκε καλῶς τὴν ῥωσικὴν» (стр. X). С этою оценкою приходится согласиться, так как Харамы в общем правильно понимал речь русского поэта и в течение многолетнего его изучения имел возможность в достаточной степени вникнуть в тонкости изящного поэтического стиля Пушкина и уразуметь многогранные оттенки образной его речи. При всем том нельзя не выразить вместе с Несториди сожаления по тому поводу, что смерть преждевременно похитила Адамантия Харамы, которому не пришлось восполнить допущенные в греческом переводе сочинений Пушкина несовершенства и сделать язык перевода более гладким, простым и понятным.

Что же касается новогреческого языка, на который Харамы перевел Пушкина, то, не имея возможности в настоящей краткой статье входить в подробное рассмотрение сложного вопроса о происхождении и характере современного новогреческого языка, как научно-литературного, так и разговорно-народного, лишь отметим, что Харамы перевел Пушкина на так называемый смешанный язык (μικτὴ διάλεκτος), представляющий сочетание чисто-литературного (καθαρεύουσα γλῶσσα) новогреческого языка с одной стороны и народно-разговорного (δημώδης γλῶσσα) с другой. Кроме того, в одних переводах Харамы преобладает преимущественно καθαρεύουσα, в других—преимущественно δημώδης γλῶσσα, в зависимости от рода и характера того или иного произведения Пушкина. Вообще же, в отношении языка труд Харамы представляется довольно интересным и заслуживающим внимания неоеллинистов.

Харамы не отметил в своих переводах, какими изданиями сочинений Пушкина он пользовался. Равно нет в рассматриваемом издании никаких указаний и на те соображения, которыми переводчик руководился при выборе для перевода тех или иных сочинений Пушкина. Возможно допустить, что переводчик имел в виду сполна познакомить греческое общество с нашим гениальным поэтом и предполагал перевести на новогреческий

язык все его сочинения, но не успел это сделать, или не закончил начатых им переводов, в которых издатели, послé преждевременной его смерти, не успели разобраться, тем более, что редактор Константин Несториди не знал русского языка и в достаточной степени не был знаком с сочинениями Пушкина.

В состав рассматриваемого новогреческого издания вошли следующие сочинения Пушкина.

1. Скупой Рыцарь—Ὁ φιλάργυρος ἰκπότης (стр. 1—22). Это драматическое произведение переведено сполна, рифмованными—отчасти—стихами, довольно правильно. Переводчик допустил лишь некоторые уклонения от оригинала—в сторону переложения или распространенности русского текста, в общем же удачно исполнил свою задачу ³⁾.

2. Желание славы—Φιλοδοξία (стр. 23—24). Лирическое стихотворение переведено—в общем—верно, но опять в некоторых местах—более распространено, чем в оригинале (32 стиха перевода равны 30 стихам оригинала), с привнесением слов, не находящихся в оригинале.

3. Ex ungue leonem (на Каченовского) [стр. 24], — переведено рифмованными стихами, но в переводе нет точности и полного понимания всех тонкостей языка Пушкина.

4. К ней—Πρὸς ἐκείνην (стр. 24—25). Мысль поэта верно передана в рифмованных стихах, но в переводе нет тонкости в уловлении психики поэта, точности в передаче его настроения.

5. Утопленник—Ὁ πνιγμένος (стр. 25—28). Очень удачный перевод, исполненный рифмованными стихами и народным языком. Представляем, в качестве примера, выдержку из этого перевода для ознакомления—как с народным новогреческим языком и рифмованным стихом, так и с индивидуальными достижениями переводчика-грека.

Прибежали в избу дети,
Второпах зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца».
—Врите, врите, бесенята,
Заворчал на них отец:
Ох, уж эти мңе ребята!
Будет вам ужо мертвец.
Суд наедет, отвечай-ка:
С ним я век не разберусь...
Делать нечего! Хозяйка,
Дай кафтан, уж поплетусь.
Гдеж мертвец?
Вон, тятя, звот...

Στὴν καλύβην τὰ παιδιὰ
Μέσα τρέχουν τοῦ πατρός,
Καὶ φωνάζουνε μὲ βία
«Πάπα, βγγῆ! ἕνας νεκρός
Μὲ τὰ δίχτυα μᾶς». — Ἐκείνος
Διαβολάκια τί ψευτιά!
Λέγει. Καὶ νὰ ἴναι τίνος;
Νὰ σᾶς δείξω ἴω, παιδιά.
Ὁ κριτὴς ἐδῶ θὰ ἐλθῆ.
Τί νὰ τοῦ ἀποκριθῆς;
Ἡ δουλειὰ μᾶς ἔμπερδεύθη,
Πρέπει νὰ ὑπάγω εὐθύς.
Αἱ, γυναῖκα, τὸ καφτάν
Φέρε.. Ποῦ ἔναι ὁ νεκρός
— Κάτω, πάπα, στὸ ποτάμι
Ἐκεῖ κάτω, παρεμπρός.

6. Керн—Τῆ κυρία Κέρν (стр. 28—29). И это стихотворение («Я помню чудное мгновение») переведено довольно удачно.

7. Родриг—Ροδρίγος (стр. 29—33). Переводчик не сполна понял нашего поэта и в нескладных стихах воспроизвел его мысли.

8. Русалка—Νηρηίς (стр. 34—35). Баллада переведена очень хорошо, литературным языком (καθαρεύουσα), рифмованными стихами. Вот начало этого перевода.

Πλησίον λίμνης ἐν σιῶ πυκνοῦ ποτε δρυῶνος
 ἄσκητεὺς τις μοναχὸς, ἐν πόνοις καὶ νηστεία,
 Εὐχαῖς, ἐν ἔργοις σοβαροῖς διάγων, κ' ἤδη μόνος
 τὸν τάφρον σκάπτων ἑαυτοῦ ἐν ταπεινῇ καρδίᾳ
 Πρὸς τοὺς ἁγίους τὰς εὐχὰς, πάντα τὰ ρήματά του
 ἀνέπεμπε μόνον ὑπὲρ τοῦ πολλοῦ θανάτου.

Над озером в глухих дубовах,
 Спасался некогда монах,
 Всегда в занятиях суровых,
 В посте, молитве и трудах.
 Уже лопаткою смиренный
 Себе могилу старец рыл
 И лишь о смерти вожденной
 Святых угодников молил.

9. Деревня—Ἠέξοχη (стр. 35—37). Перевод—такого же достоинства.

10. Русалка—Ἡ νηρηίς, драма (стр. 38—65). Произведение переведено сполна, рифмованными стихами на чисто-литературном (καθαρεύουσα) языке, с правильным пониманием сюжета и его разветвлений.

11. Приметы (А. А. Олениной)—Οἶωνοί (стр. 65).

12. Красавица (в альбом Н. Н. Гончаровой)—Ἡ καλή (стр. 66).

13. Борис Годунов—Βορῆς Γοδοουνόβ (стр. 67—164). Это произведение Пушкина произвело на переводчика сильное впечатление, тщательно было изучено им и очень успешно переведено стихами на литературном языке. По оценке редактора-грека, «Борис Годунов», является едва ли не самым лучшим из произведений Пушкина, вошедших в состав рассматриваемого переводного сборника.

Очень хорошими рифмованными стихами на литературном новогреческом языке Харамы перевел и следующие произведения Пушкина—

14. Братья-разбойники—'Αδελφοὶ λησταί (стр. 165—174),

15. Каменный гость—'Ο λίθινος ξένος (стр. 175—208) и

16. Цыганы—Οἱ τσιγγανοὶ (стр. 209—236). Вот еще пример удачного перевода из последнего произведения:

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда.
Долгу ночь на ветке дремлет,
Солнце красное взойдет,
Птичка гласу бога внемлет,
Встреппенется и поет.

Μέριμναν, πόνον δὲν ἔχει
τοῦρανοῦ τὸ ποτεῖνόν.
Οὐδὲ ἀνησώχως πλέκει
φωλὸν παντοτεῖνόν.
Νύκτωρ ἐν κλωνί κομᾶται,
ὡς δὲ λάμπει ἡ ἀκτίς
τοῦ ἡλίου, ἀπροῶται
τοῦ Κυρίου τῆς φωνῆς
καὶ σιρπῶν ἐντείνει ἡσμα.

Перевод Пушкина, исполненный Харамы, является трудом очень хорошим. Переводчик вчитался в произведения русского поэта, правильно понимает его мысль и верно передает на новогреческом языке то литературном, то народном. К тому же переводчик воспроизводит нашего поэта в стихах, и это потребовало от него большого труда. Несомненно, Харамы— в душе поэт, и до известной степени проникался чувствами и настроениями русского поэта. Но далеко не все богатство поэзии Пушкина было доступно греческому переводчику, который нередко не улавливал оттенков его легкой и изящной речи, не понимал всех отражений русской действительности в великолепных поэтических образах, не постигал особенностей народного русского языка, и поэтому нередко лишь перелагал на свой язык звонкие выкованные стихи Пушкина, не умея выразить их красивым поэтическим языком, в соответствии с особенностями оригинала. Но как единственный на новогреческом языке перевод сочинений Пушкина, исполненный в стихах, книга Харамы должна быть выделена из группы других новогреческих переводов Пушкина и поставлена на видном месте, как одна из довольно серьезных попыток познакомить греческое общество с гениальным русским поэтом во всем величии и красоте поэтического его творчества. Вместе с тем книга Харамы выдвигает на очередь вопрос о новогреческом стихосложении, в связи с влиянием Пушкина, так как переводчик стремился усвоить и технику стиха русского поэта. Но этот малоисследованный предмет заслуживает особого рассмотрения.

В 1893 году в Одессе в переводе Николая Феодориди была издана повесть Пушкина «Капитанская дочка» под заглавием: «Α. С. Пушкиν. Ἡ κόρη τοῦ φρουράρχου. Μυθιστορία μεταφρασθεῖσα ἔκ τοῦ ρωσικοῦ ὑπὸ Νικολάου Τ. Θεοδορίδου. Ἐν Ὀδοσῶν 1893, σελ 183».

Переводчик очень хорошо знал русский язык и издал прекрасный перевод на новогреческом народном языке, передав правильно и сполна великолепное произведение нашего поэта. Перевод Феодориди читается легко и может служить очень хорошим пособием для изучения новогреческой народной речи.

В изучении Пушкина очень много потрудился директор Греческого Коммерческого училища в Одессе Харалампий Вулудим, которому принадлежат два издания сочинений нашего поэта в новогреческом переводе, имевшие большое распространение среди греческого народа. Первое издание содержит перевод романа «Евгений Онегин» и имеет следующие заглавие: «Ἀλεξάνδρου Σεργιάδου Πούσκην. Εὐγένιος Ὀνέγγην. Ἔπος μεταφρασθὲν ἔκ τοῦ ἑμμέτρου ρωσικοῦ πρωτοτόπου εἰς τὴν ἑλληνικὴν ἐν περὶ λόγῳ μετὰ βιογραφικῶν καὶ χαρακτηριστικῶν τοῦ ποιητοῦ εἰδήσεων ὑπὸ Χαράλαμπος Ἴ. Βουλοδήμου», Афины 1899. Стр. 246.

Издание составляет один из выпусков так называемой «Βιβλιοθήκη Μαρασλή», громадного научно-литературного предприятия, исполненного в Афинах на средства известного греческого мецената и филантропа Гр. Гр. Маразли, бывшего много лет городским головой в Одессе. Издание опубликовано изящно—на хорошей бумаге, четким шрифтом. В его состав входят: 1) посвящение переводчиком его труда б. императрице Марии Феодоровне (стр. 6), 2) краткое содержание романа «Евгений Онегин» (стр. 7—17), 3) посвящение поэта П. А. Плетневу (стр. 19), 4) новогреческий перевод романа (стр. 21—154), 5) отрывки из путешествия Евгения Онегина (стр. 155—161), 6) примечания Пушкина к «Евгению Онегину» (стр. 163—169), 7) биография и характеристика А. С. Пушкина по различным русским критикам (стр. 171—243). Последний очерк имеет следующее содержание: биография, последние минуты Пушкина (В. А. Жуковского), посмертная критика о поэте, праздник Пушкина в Москве,—открытие памятника в 1880 году, речь Достоевского, торжество открытия памятника Пушкина в Одессе, речи генерал-губернатора Роопа, проф. А. И. Кирпичникова и проф. Н. И. Некрасова, специально-одесская критика о Пушкине и его поэзии, описание одесского памятника Пушкину и значение Пушкина в истории театра. Биографический очерк составлен Вулудимом умело и правильно и производит на читателя хорошее впечатление.

Представляет интерес «Эпilog переводчика», помещенный на последних страницах (245—246) книги. Основным мотивом и задачей перевода,—пишет здесь Вулoдим,—служило желание вызвать живейший интерес образованного греческого общества к гениальному русскому поэту, заслуживающему всеобщего признания и уважения. Достигнуть этого в прежнее время и в надлежащей степени не удавалось, но не потому, что греки не отличаются любознательностью или являются совершенно безразличными к интересам науки и литературы, а потому, что у них не было точного и верного перевода поэтических сочинений Пушкина (διότι δὲν παρείχεται εἰς αὐτοὺς ἀκριβῆς καὶ πιστὴ μετάφρασις τῶν ποιημάτων τοῦ Πούσκη), этого гениального поэта, пред которым преклоняется вся Россия. И мы уверены, что греки, где бы они ни жили, с глубоким и живым интересом отнесутся к сочинениям Пушкина, как в силу присущей им любви к знанию, так и по моральному мотиву искренней их признательности ко всему русскому народу, который искренно любит и уважает народ греческий (ὅπερ ἀγαπᾷ εἰλικρινῶς καὶ ἐκτιμᾷ τὸ Ἑλληνικὸν ἔθνος) и имеет с ним много общего—талантливость, предприимчивость, энергию, доброту, глубокое и сильное чувство благодарности. Как русский народ чувствует и открыто выражает глубокую благодарность к прежнему своим руководителям на культурном поприще—грекам, так и повсюду живущие и рассеянные греки чувствуют и выражают беспредельную признательность к великому русскому народу, просигравшему грекам сильную руку помощи и спасения в периоды их бедствий и несправедливых страданий, угрожавших греческому народу опасностью совершенного уничтожения. «И мы верим,—говорит в заключение Вулoдим,—и открыто и честно здесь исповедуем, что греческий народ глубоко чувствует и крепко хранит укоренившееся в его сердце сознание неизменного долга глубокой его признательности к русскому народу и не перестанет, при всяком удобном случае, выражать ее,—как, вне всякого сомнения, он засвидетельствует это и в приближающиеся дни всеобщего и искреннего энтузиазма русского народа по поводу столетия со дня рождения великого русского поэта—Одесса, в марте 1899 года».

Перевод «Евгения Онегина» исполнен Вулoдимом не в стихах, а прозой, прекрасным литературным языком. Вот как читается в его переводе «письмо Татьяны к Онегину».

Γράφω πρὸς ὑμᾶς—τί περισσότερον; Τί δύναμαι νὰ εἶπω ἔτι; Τώρα, γνωρίζω, ἐξαρτᾶται ἀπὸ τῆς θελήσεως ὑμῶν καὶ με τιμωρήσετε διὰ τῆς περιφρονήσεως. Ἄλλ' ὑμεῖς, διαφυλάττοντες καὶ σταγόνα οἴχτου πρὸς τὴν δυστυχῆ μοῖράν μου, δὲν θέλετε με ἐγκαταλείψαι. Κατ' ἀρχὰς ἤθελον νὰ σιωπήσω πιστεύσατε, ὅτι οὐδέποτε ἤθελετε γνωρίσει τὴν κατασχόνην μου, ἂν εἶχον τὴν ἐλπίδα νὰ βλέπω ὑμᾶς τοῦλάχιστον σπανίως, τοῦλάχιστον

ἄπαξ τῆς ἑβδομάδος εἰς τὸ κτῆμα ἡμῶν, ὅπως μόνον ἀκούω τοὺς λόγους ὑμῶν, λέγω πρὸς ὑμᾶς μίαν λέξιν καὶ ἔπειτα διαλογίζομαι περὶ ἐνὸς καὶ μόνου καὶ ἡμέραν καὶ νύκτα μέχρι νέας συναντήσεως. Ἀλλὰ, λέγουσιν, εἴσεθ μισάνθρωπος...

Столь же отчетливо и выразительно воспроизведена в новогреческом переводе и «ария» Ленского—«Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни»...

Ποῦ; ποῦ ἀπέπτητε, χρῆσαί ἡμέραι τοῦ ἔαρος μου; Τί μοι ἐτοιμάζει ἡ ἐπερχομένη ἡμέρα; Εἰς μάτην τὸ βλέμμα μου θηρεύει αὐτήν· κρύπτεται ἐντὸς βαθέως ζόφου. Ἄλλ' οὐδεμία ἀνάγκη· ὀρθῶς ἔχει ὁ νόμος τῆς μοίρας. Εἴτε μέλλω νὰ πέσω, διαπερασθεῖς ὑπὸ τῆς βολίδος, εἴτε αὕτη μέλλει νὰ μὲ παρέλθῃ, τὰ πάντα ἔχουσι καλῶς· ἡ ὠρισμένη ὥρα τῆς ἀγρυπνίας καὶ τοῦ ὕπνου ἐπέρχεται· εὐλογημένη καὶ ἡ ἡμέρα τῶν μερμῶν, εὐλογημένη καὶ ἡ προσέγγις τῆς σκοτίας.

Перевод «Евгения Онегина» исполнен Вулодимом прекрасно. Переводчик очень правильно и точно передает мысли и настроения поэта. Он проникнут глубоким уважением к талантливым его произведениям и приложил все усилия к тому, чтобы сделать их вполне доступными для читателей-соотечественников. Язык перевода—*καθαρεύουσα* в наилучшей и совершенной его организации. Чтение перевода доставляет большое удовольствие по тщательности своей и точности и может служить хорошим пособием для изучения современного литературного греческого языка. Перевод Вулодима, вошедший в серию «Библиотеки Маразли», получил широкое распространение у греков и много содействовал известности нашего поэта в культурном греческом обществе.

В таком же значении надлежит оценивать и другой труд Харалампия Вулодима—под заглавием: «*Δλεξάνδρου Σεργιάδου Πούσχην Ἐκλεκτῶν ποιημάτων μετάφρασις, τόμος Α', ἐν Ὀδησσῷ 1888*». Перевод избранных сочинений А. С. Пушкина, т. I. Одесса 1888, стр. 13—155». Эта книга составляет первый выпуск намеченной к изданию «Библиотеки Греческих переводов избранных сочинений наиболее известных русских поэтов и писателей», которая была предпринята Вулодимом на средства Гр. Гр. Маразли с целью «укрепить литературную взаимность и культурное преуспеяние двух великих народов Востока—русского и греческого». В этом выпуске изданы в новогреческом переводе следующие сочинения Пушкина: «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы», «Полтава» и «Медный всадник». Перевод исполнен прозою, на литературном языке (*καθαρεύουσα*), тщательно и добросовестно, с примечаниями и даже с указанием разночтений русского оригинала.

Вулодим, много потрудившийся в деле ознакомления греков с поэзией Пушкина, имел в виду издать в новогреческом пере-

воде полное собрание его сочинений—в нескольких томах, рассчитывая на материальную помощь «великого греческого евергета» Гр. Гр. Маразли. Объявлена была уже и подписка на это издание, широко оглашенная в Греции, Турции, России и повсюду, где рассеян любознательный и предприимчивый греческий народ, но дело приостановилось по материальным соображениям, и судьба рукописей Вулудима с новогреческим переводом сочинений Пушкина остается неизвестной.

Таким образом, греки обнаружили живой интерес к сочинениям Пушкина. В новогреческой переводной литературе имеются и критические статьи о знаменитом поэте, с высокой и правильной оценкой литературной его деятельности, и отдельные переводы наиболее крупных его произведений—то стихами, то прозой, на языке и чисто-литературном, и народном. Намечен был план издания и полного собрания сочинений Пушкина, не приведенный в исполнение по обстоятельствам материального свойства. Знакомство греков с нашим поэтом мотивируется и обще-культурными интересами, и теми специальными связями греческого мира с русским, которые установились исторически и составляют факт сложного и знаменательного культурного значения. В этом направлении интерес греков к русским постепенно оживлялся и возрастал, привлекая в сферу их пытливой любознательности и Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова, Гаршина, Короленко, Горького, Андреева, Куприна и многих других представителей русской художественной литературы, воздействие которых на новогреческую литературу последнего времени не подлежит сомнению. Нужно только и нам не оставлять без внимания исторического движения в новейшей греческой литературе и не отказываться намечать в извилистых ее путях те неясные очертания и изгибы, которые отразили в себе влияние на новогреческую художественную литературу и язык корифеев нашего поэтического творчества, возглавляемых бессмертным Пушкиным.

И. Соколов.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУР И ЯЗЫКОВ ЗАПАДА И ВОСТОКА
ПРИ ЛЕНИНГРАДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.

ПУШКИН

В МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1926